

ИРИНА АЗЕР:

ПРО ЗОЛОТЫЕ СЛИТКИ, СЪЕДЕННЫЕ ТЮЛЬПАНЫ И ДЯДЮ ГОШУ ВИЦИНА

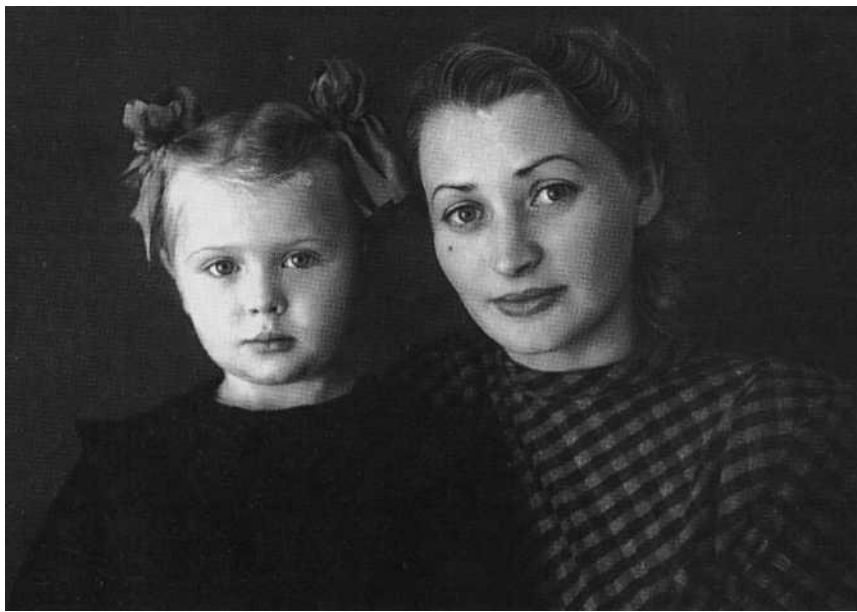
На дорожке, ведущей к вилле, слышались крадущиеся шаги. В душной темноте раздался резкий крик павлина.

Где-то очень близко тревожно завывали полицейские сирены. По домофону гортанный голос на фарси приказал: «Открывайте, полиция! В вашем доме бомба!» Все дальнейшее было похоже на кошмарный сон...

История, случившаяся со мной в Тегеране, невероятна и полна приключений, опасных и трагических. Словно в сказке о Шехерезаде! Огромная вилла в райском саду, кольцо с огненными рубинами и слитки золота, борьба за наследство и убийство отца ближайшими родственниками из-за денег, бегство в парандже иод дулами автоматов и восточно-пряная любовь с неизбежным расставанием...

А началось все давным-давно... Еще когда моя мама, белокурая казачка, воевавшая на фронте, встретила в Баку и полюбила польского военного летчика Иофана. После войны его упростили оставь-

ся работать на местном аэродроме. Иофан очень хотел дочку и даже придумал ей необычное имя — Ирэн. Но под нажимом аристократических родственников, так и не дождавшись моего рождения, он вернулся в Польшу. На маме женился политический эмигрант генерал Реза Азер. Отчим принадлежал к ближайшему окружению иранского шаха Пехлеви, но в 45-м году вынужден был бежать в СССР, так как шахиншах, именно так обращались к правителю иранцы, приговорил его к смертной казни. На плакатах, расклеенных по всему Тегерану, предлагалась гигантская сумма за голову взбунтовавшегося генерала, ставшего одним из лидеров коммунистической партии Ирана. Вначале Азер с соратниками прятался в горах, а потом перебрался в Баку,

титанический труд — переложение на латиницу древнего языка фарси. Подарок был принят шахом с царственным безразличием. За папу просили родственники, но шах был непреклонен; «Реза хочет вернуться? Хм... Он когда-то подрался с моим братом, а потом еще революционером заделался. Я ему этого не прощу!» Но, на счастье папы, Реза Пехлеви как-то с официальным визитом приехал в Советский Союз. Реза с Резой встретились в посольстве и наконец выяснили отношения. Получив помилование шаха, папа обратился в Красный Крест, но там его стали отговаривать от поездки на родину: «Езжайте в любую соцстрану, только не туда». Доведенный до отчаяния, он объявил голодовку. Мы ходили на цыпочках по квартире, у его постели в знак солидарности все время дежурили друзья-иранцы. Но как только о голодающем иранском генерале передали по «Голосу Америки», документы о выезде моментально подготовили. Папа собрался ехать один, уладить все проблемы с возвращением поместья, а затем вызвать в Тегеран семью. В иранском посольстве, между прочим, сообщили, что его владения оцениваются в 22 миллиона долларов. Уезжая в Тегеран, папа на всякий случай оставил нам завещание.

— Неужели за все эти годы его виллу никто не занял?

— Перед тем как эмигрировать, отец все документы на собственность отдал на хранение старшему брату. Но тот умер, и на вилле поселился его средний брат с женой-американкой и детьми. В письмах брат все время заверял отца, что ждет его и готов передать все владения в целостности и сохранности. Отец поверил и с радостью отправился в Тегеран. Когда я с дочкой приехала в гости к отцу, меня потрясли роскошные фруктовые сады, бассейны, вышколенная прислуга, обновляющая ледяным шампанским многочисленных гостей-американцев, апартаменты, обставленные с восточной роскошью. Над виллой на собственных самолетах часто кружил живший неподалеку Пехлеви: то на голубом, то на белом.

Папа все никак не мог добиться окончания своего дела — как оказалось, брат, воспользовавшись его бегством, выкупил землю за бесценок. Отец мог подать в суд, ведь дарственной брату он не оформлял. Думаю, он представлял опас-

— Он только-только начинал учить русский, зато прекрасно владел арабским, французским, английским и немецким. Ко мне он обращался на фарси. Ни мама, ни моя сводная сестра Деларам, его родная дочь, так и не выучили язык, а я до сих пор говорю свободно с тегеранским произношением. В эмиграции отец защитил докторскую диссертацию и получил профессорскую ставку в Московском институте востоковедения. А еще папа перевел на русский поэму Фирдоуси «Шахнам». В Москве от Красного

Креста нам выделили большую квартиру на Песчаной, где все время толпились его ученики. Иногда, прервав занятия, он кричал маме Лиле на кухню: «Лейла, ребятам хотят есть!» И мама подавала на стол гору золотистого плова, усыпанную зернами граната, и хорешт, специальную мясную добавку.

К семидесяти годам папу начала мучить ностальгия по родине, и он решил вернуться, тем более что по иранским законам смертная казнь к людям его возраста не применяется. В знак признательности он передал в дар Ирану вой-

где ему предоставили политическое убежище. Папа, а я считаю Резу своим отцом, происходил из знатной семьи потомственных врачей, учился во Франции, закончил там офицерскую школу, а потом Сорбонну, на севере Тегерана имел огромную виллу с псарней и конюшней. Но он все бросил и стал изгнанником, проклятым на родине.

В Баку всех политэмигрантов поселили в резиденции бывших богачей. На закрытой территории с огромными садами попадались разрушенные мечети и

Я росла как маленькая принцесса. В метрике папа записал меня иранкой, а имя я носила, достойное персидской княжны, — Ирэн Абдур-Резаевна Азер

заброшенные особняки. А за садами простирались необъятные поля левкоев и роз. Незадолго до моего рождения папа вырыл перед домом бассейн, облицевал его белоснежной плиткой и выложил к нему камешками причудливую дорожку. Я росла, как маленькая принцесса, среди душистых кустов жасмина, играя в куклы у бассейна с прозрачной водой. В метрике папа записал меня иранкой, а имя я носила, достойное персидской княжны, — Ирэн Абдур-Резаевна Азер.

— А на каком языке вы говорили с отцом?

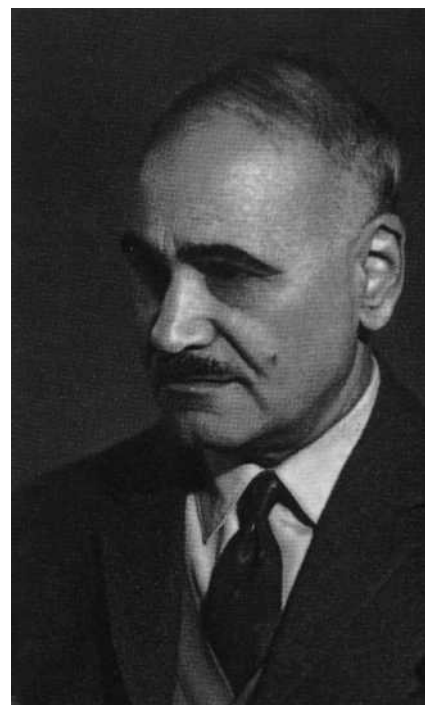
ность для родичей, и они задумали с ним расправиться.

Погостив немного в Тегеране, я уехала домой, и вдруг вслед посыпались телеграммы: «Отец в больнице, ему плохо». Пока мы с сестрой оформляли выезд, а в те времена это было страшной волокитой, папа оказался при смерти. Как мне потом рассказали, однажды он отправился гулять в горный заповедник шаха, куда пускали только избранных, и подвернул ногу. От обезболивающих уколов, которые отцу делал племянник, становилось только хуже. (Кстати, больница, где он лежал, тоже принадлежала его родственникам.) Я навещала папу каждый день, заходила и в соседние палаты, где лежали безнадежные больные. Приносила кому гранат, кому — сладости, а кому — веточку жасмина. За это больные прозвали меня Сифидэ Фереште — Белый Ангел. Врачи сказали, что папа обречен, и мы решили забрать его домой. После папиной смерти я нашла пустые упаковки от амулов, которые оказа-

Реза Азер был подданным иранского шаха и богатейшим человеком в Тегеране

лись сильнейшими нейролептиками. Папу явно хотели убить!

Друзья отца помогли мне получить разрешение на аудиенцию у шахини — я собиралась говорить с ней по поводу наследства. Но эта встреча так и не состоялась: в стране произошел переворот, шах с семьей бежал за границу, а на Тегеран двинулся Хомейни с войсками. Все вокруг изменилось. Если раньше в Тегеране царил проамериканский настрой — слышалась английская речь, преобладала европейская одежда, то теперь на улицу стало страшно выходить, особенно мне, блондинке. Бесконечные религиозные праздники, взрывы в кинотеатрах, митинги фанатиков... Однажды мы с сестрой отправились за продуктами, закутавшись с головы до ног в черное. Вдруг меня с силой схватил за руку не-

Над роскошной виллой отца на собственных самолетах часто кружил живший неподалеку шах Реза Пехлеви: то на голубом, то на белом

знакомый иранец и заташил в ближайшую лавку. «Вы с ума сошли! Куда вас несет, вы что, не видите, что творится?!» — прошептал он в испуге. Я выглянула в окно и в ужасе замерла — по улице двигалась огромная толпа с камнями и плакатами Хомейни, скандируя: «Долой шорави и амэрикан!» («Шорави» по-ирански — русские.) Нас могли тут же забить камнями!

Когда папа умер, его похоронили не в семейном склепе, а на общем кладбище, завернув, по местным обычаям, в белый саван. Брат на похороны «коммуниста, опозорившего род Азеров», так и не пришел. Над могильной плитой долго и заучивно мулла читал Коран, рядом с нами стояли верные друзья генерала. После похорон я отправилась к родственни-

кам с распиской дяди, в которой он обещал отдать племянникам треть наследства. Но когда дядя попытался вырвать ее из моих рук, чтобы уничтожить, я поняла, что восточное вероломство — это не сказки... Завещание отца и дядина расписка хранятся у меня до сих пор.

— Неужели вам так ничего и не досталось?

— Перед отъездом друг отца, банкир, водил меня по банкам и в каждом клал мне в руки золотые слитки по килограмму: «Ты сможешь их забрать с собой?» «Конечно, нет!» — отвечала я, представив лицо советского таможенника при виде чемодана с золотыми «кирпичиками». На мой день рождения банкир подарил мне кольцо с бриллиантами и рубинами, сказав: «Когда станет трудно — продай. Этих денег тебе хватит на всю жизнь». Но продать кольцо пришлось там же, в Иране. Срочно нужны были деньги на билеты (в военное время они стоили баснословно дорого) и на вывоз отцовских рукописей. В Тегеране всюю буше-

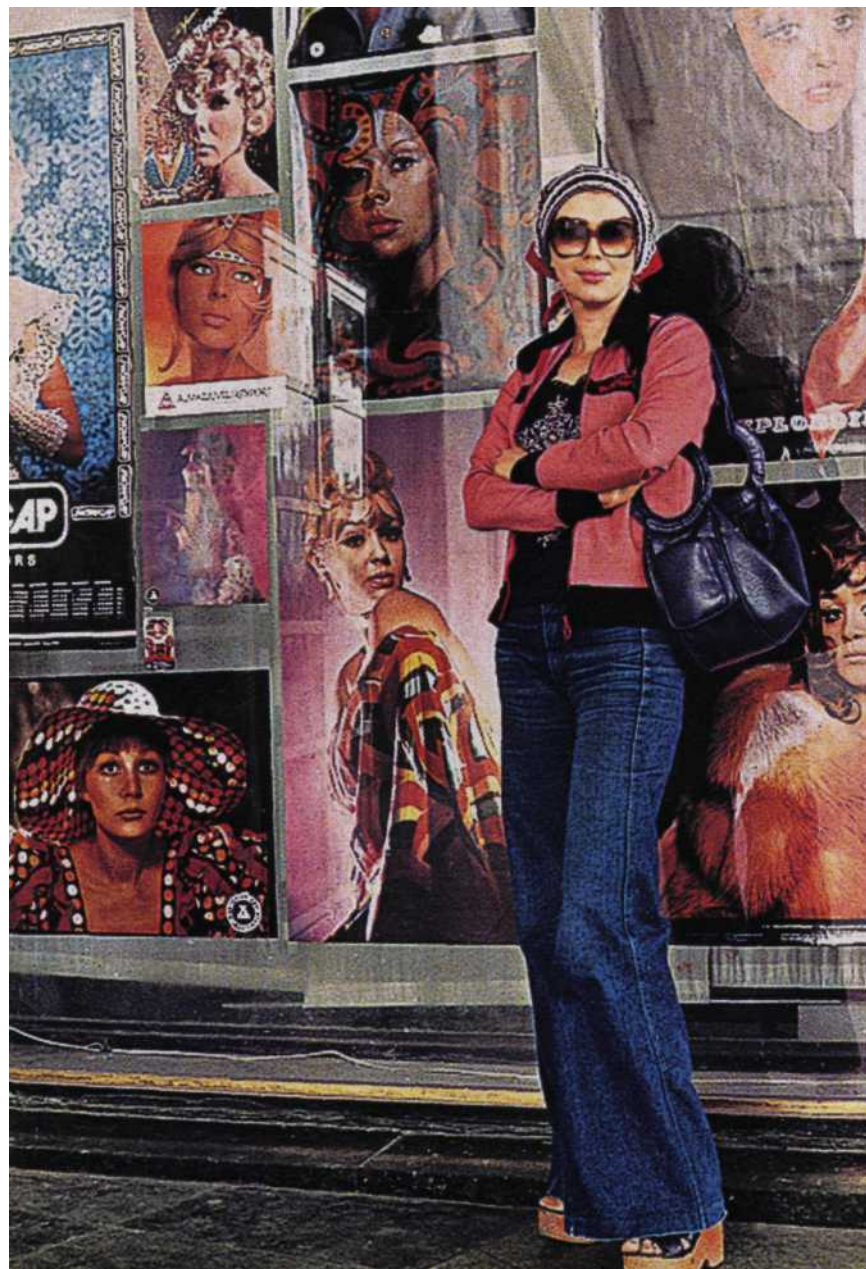

Актрисой я решила стать в шесть лет, когда однажды замерла перед зеркалом в восхищении от себя самой: «Красивая я очень! Поеду в Америку и стану там кинозвездой»

вала война, все опаснее становилось выходить на улицу. Продавать колье отправилась сестра, поскольку она более походила на иранку. «Эта вещь краденая!» — убежденно заявил хозяин лавки и вы-

дал ей сущие гроши, которых хватило лишь на оплату лишних килограммов груза в аэропорту. В Москве все работы отца я отнесла в Институт востоковедения. Впоследствии они были украдены.

Вдруг меня с силой схватил за руку незнакомый иранец и затащил в ближайшую лавку: «Вы с ума сошли! Куда вас несет, вы что, не видите, что творится?!»

Думаю, папа помог мне написать не одну диссертацию...

— **Наверное, трудно было двум москвичкам жить на чужбине?**

— Слава Богу, там я познакомилась с прекрасным человеком. Все то время, что мы провели подле умирающего отца, Парвиз меня очень поддерживал.

...Как-то вечером меня из гостей отвозил на машине родственник. Неожиданно на единственно широком шоссе (в Тегеране все улочки очень узкие) с нами поравнялась иномарка, и из окна на меня уставился широко улыбающийся красивый парень. Его машина то отставала, то ехала рядом с нами. Это продолжалось довольно долго. Через какое-то время я не выдержала и знаком попросила водителя остановиться. «Почему вы преследуете меня?» — «Я в вас влюбился». Незнакомец сопровождал меня до самого дома, несмотря на ужас, скывавший моего родственника. Не знаю почему, но мне ни капельки не было страшно, хотя в этой стране мне следовало бы опасаться встреч с незнакомцами. (После смерти отца, когда я начала отстаивать у родственников права на наследство, на улице нас с сестрой чуть не сбила машина. А однажды ночью к нам внезапно ворвались полицейские и перевернули все вверх дном, объявив, что в доме заложена бомба. В конце концов мы стали бояться, что нас отравят.) Но мне повезло, я встретила защитника — Парвиза! Как выяснилось, красивый шатен с зелеными глазами был богат, занимался продюсированием фильмов и к моменту нашей встречи разводелся с женой.

— **Интересно, как ухаживают иранские продюсеры?**

— На следующий день после знакомства он долго смеялся: «Знаешь, где ты меня остановила? Это единственная улица в Тегеране, где стоят проститутки». Мы поужинали в кафе и отправились домой. По дороге Парвиз заскочил к приятелю, попросив меня подождать в машине. Через несколько минут возвращается с огромным бумажным пакетом. Я не успела испугаться, как на меня из опрокинутого пакета дождем посыпались веточки жасмина «марьям». С этого дня Парвиз, запомнив, что я обожаю цветы, буквально заваливал меня самыми экзотическими цветами. Однажды положил

До ВГИКа я работала фотомodelью. Рекламовала меха, драгоценности, ткани, шляпки... Огромные плакаты, календари с моими портретами висели в магазинах многих стран мира

Мне нравилась работа фотомодели. И, уже будучи актрисой, я продолжала сниматься для рекламы

мне на колени коробочку. Открываю, а там — кольцо с большим изумрудом, усыпанное 47 белыми сапфирами. Я долго отказывалась и даже, убегая, оставила подарок на сиденье машины. Парвиз догнал меня и пригрозил: «Не возьмешь — случится что-то плохое». Много позже, в

Парвиз был человеком исключительной доброты. Как-то притащил огромную, с меня ростом, бутылку виски: «Подаришь в Москве какому-нибудь режиссеру». Доставал папе, пока он был жив, лекарства. А однажды приволок двух бронзовых амуров, которые держали в руках

На следующий день Парвиз долго смеялся надо мной: «Знаешь, где ты меня остановила? Это единственная улица в Тегеране, где стоят проститутки»

«Кабачке 13 стульев», где я непродолжительное время была дочкой пани Моника, на кольцо как-то обратила внимание Наташа Селезнева: «Не может быть! Это бижутерия!» Экспертом выступила «моя мама» Ольга Аросева. Осмотрела его со всех сторон и вынесла авторитетное заключение: «Девочки, оно настоящее».

огромные рубины. Мы с сестрой всерьез подумывали отковырнуть камни, но никак не получалось, а потом Дели предложила: «Может, руки отпилим?» Все эти подарки, естественно, пришлось оставить в Тегеране.

Парвиз как мог старался отвлечь меня от тяжелых проблем. Например, на сви-

дания каждый раз приезжал на новой машине, предварительно поинтересовавшись, в чем я сегодня выйду. Если на мне был джинсовый костюм, он подкапывал на голубом автомобиле, если белый сарафан — подавался белоснежный лимузин. В один из дней Парвиз попросил меня надеть что-нибудь желтое. Пришлось достать из чемодана единственную желтую вещь — шорты. Вечером мой ухажер с трудом подъехал к дому на массивном желтом «кадиллаке», обдирая его бока об узкие стены улочки. Заметив, что я переживаю из-за царапин и вмятин на больших дорогих машинах, он явился на маленьком спортивном «ягуаре». Парвиз возил меня в бунгало, выходящее прямо к морю, где мы засыпали, обнявшись, под шум набегающей волны. В шикарных ресторанах любил удивить местной экзотикой, скажем, бараньими яйцами. Когда я затосковала по русской кухне, он тут же нашел маленький ресторанчик, где нам подали икру и бутылочку водки с маленьким перчиком. А однажды он повел меня в злачное место, где богатые иранки и иранцы, лежа на коврах и подушках с закрытыми в нирване глазами, курили вонючие длинные палочки терьяка из прессованного мака. Кончики терьяка срезали золотым ножиком и золотой иглой заправляли в отверстия специальной трубки. Правда, на меня курение терьяка ничуть не подействовало. При шахе курение наркотиков преследовалось, так что эти места были строго засекречены.

А между тем оставаться в Тегеране с каждым днем становилось все опаснее. В аэропорт нас с сестрой отвозил Парвиз. Впереди машины мчался открытый грузовик с вооруженными солдатами и пулеметом, развернутым в нашу сторону. Улучив момент, Парвиз на всякий случай быстро свернул с дороги — в нас, иностранок, запросто могли выстрелить. Этим рейсом из страны срочно эвакуировались жены и дети посольских работников. В зале Парвиз едва успел сунуть мне букетик жасмина, а когда в последний раз хотел подойти поцеловать, солдат ударил его прикладом. Я бросилась с кулаками на обидчика, но меня оттащила женщина из посольства: «Вы с ума сошли! Из-за вас нас тут всех перестреляют!» Последнее, что я запомнила, навсегда покидая Тегеран, — это печаль-

Во ВГИКе в то время училось много иностранцев: кубинцы, арабы, болгары, румыны...

ные глаза моего возлюбленного. Больше мы никогда не виделись...

— Это просто готовый сценарий для детективно-любовного фильма! Во ВГИКе, где вы учились, не пытались снять фильм о ваших приключениях?

— Это сценарий скорее для Голливуда. Актрисой я решила стать в шесть лет, ко-

До ВГИКа я работала фотомоделью. Рекламовала меха, драгоценности, ткани, шляпки... Огромные плакаты, календари с моими портретами висели в магазинах многих стран мира. За эту работу, кстати нелегкую (порой от шестичасового позирования перед фотоаппаратом девушки падали в обморок или

хвостикова, Гвоздикова, и Аринбасарова. Так получилось, что уже с первого курса меня хотели выгнать. Сергей Аполлинариевич был возмущен тем, что студентка-первокурсница, не спросив разрешения, дала согласие на съемки в фильме Игоря Ильинского «Старый знакомый», продолжении «Карнавальная ночь». А я просто не знала, что в таких случаях полагается просить разрешение Мастера. Игорь Владимирович очень любил со мной репетировать: распорядился повесить табличку «Не беспокоить!», и мы вдвоем часами штудировали сценарий. Он так на меня смотрел! А еще осторожно клал на колено дрожащую руку. В этом знаке восхищения мной, молоденькой девчонкой, было столько трогательного. Уже начались примерки костюмов, как вдруг меня вызывают в деканат. Сергей Аполлинариевич взглядом удава пригвоздил меня к стулу: «Ну что, кинозвезда? Главная роль, понимаю. Зачем тебе учиться, что я тебе могу дать, если ты уже почти знаменитость?! Все, Арина! Забирай документы и снимайся себе на здоровье». У меня слезы хлынули ручьем. Естественно, я тут же отказалась от роли. Ильинский был в отчаянии: «Помилуйте, это какой-то эгоизм

Ильинский так на меня смотрел! А еще осторожно клал на колено дрожащую руку. В этом знаке восхищения было столько трогательного

гда однажды в мамином панбархатном халате замерла перед зеркалом в восхищении от себя самой: «Красивая я очень! Поеду в Америку и стану там кинозвездой». Наверное, что-то во мне все же было, потому что позже, когда освоила грамоту, любила тетушке вслух читать свои трагические стихи и рассказы, и она, слушая меня, рыдала в большой носовой платок.

получали ожог роговицы глаз от сильного света), со мной обычно расплачивались несколькими плакатами с моим же изображением. Но мне работа модели нравилась, и, уже будучи актрисой, я продолжала сниматься для рекламы.

Поступила я в восемнадцать лет к Герасимову на знаменитый курс, где учились четыре Натальи: Бондарчук, Бело-

— мое и никому не отдам!» Он и его оператор Кольцатый буквально атаковали педагогов просьбами отпустить меня на съемки. Но в фильме я так и не снялась, мое место заняла Наташа Селезнева. После этого в течение года Ильинский звонил мне: то предлагал роль в театральной постановке, то обещал снять со мной ка-

кую-нибудь картину. А однажды вдруг попросил: «Скажите ваш адрес, я подъеду. Умоляю, выйдите из дома». У подъезда стояла черная «Волга» с шофером. Я села на заднее сиденье. Ильинский, обернувшись ко мне, протянул коробочку французских духов: «Этот маленький сувенирчик я привез вам из Парижа». Долго еще

продолжались телефонные звонки Игоря Владимировича, потом постепенно прекратились.

— Герасимов в своих фильмах всегда снимал учеников. А вы у него снимались?

— Сергей Аполлинариевич долго на меня сердился и все время подкальчивал: «Ну что, кинозвезда?» Учитель почему-то

Я обожала исполнять каскадерские трюки сама. Если требовалось по сценарию, скакала на лошади, мчалась на мотоцикле, запрыгивала на ходу на капот машины...

В фильме «Дорогой мальчик» я встретилась с потрясающими партнерами. Владислав Стржельчик — один из них

всегда считал, что я сама пробую себе дорогу и не нуждаюсь в его опеке. Правда, в одном эпизоде все-таки меня занял. Помните в фильме «У озера» сцену в поезде с Наташей Бондарчук? Я не ходила в его любимцах, хотя однажды произошел случай, который меня поразил. Как-то зимой мне посчастливилось купить у актрисы Веры Орловой, сыгравшей в «Близнецах» сестру Целиковской, потрясающую американскую шубку из нейлона. И вот я, как королева, отправилась на занятия во ВПИК в этом сером чуде. После лекции получаю в гардеробе шубку, надеваю у зеркала и вдруг вижу — по лестнице спускается Герасимов, очень внимательно смотрит на меня, потом подходит и говорит: «Здравствуйте!» (я пугаюсь и совершенно теряюсь — вроде мы только что на лекции виделись), берет мою руку и целует. Я, потрясенная, не помню, как домой доехала.

Был случай и с Тамарой Макаровой, удививший не меньше. Сережа Никоненко, который учился в мастерской Герасимова на режиссерском, ставил курсовой спектакль «Укрощение строптивой». Я

играла Катарину, а Сергей Малишевский — Петручко. Как-то на репетицию заглянула Тамара Федоровна, долго наблюдала, как Петручко застенчиво пытается обнять и поцеловать Катарину, потом не выдержала, вышла на сцену и продемонстрировала на мне обалдевшему Сереж-

Тамара Федоровна вышла на сцену и поцеловала меня. Я так растерялась, что долго не могла прийти в себя от неожиданно крепкого поцелуя Макаровой

ке долгий поцелуй: «Вы же в кино будете сниматься! Там все надо делать по-настоящему!» Я так растерялась, что долго не могла прийти в себя от неожиданно крепкого поцелуя Макаровой. Сережка после этого уже не стеснялся.

Параллельно с лекциями я пропадала в учебной студии, снимаясь во многих кур-

совых и дипломных работах арабов, болгар, румын и наших. Сама придумывала прически, училась накладывать грим, фантазировала с костюмами. Однажды в мастерскую Герасимова приехала голливудская кинозвезда Глория Свенсон. Маленькая, старенькая, в красном брючном

костюме, она поражала своей веселостью. Для нее мы сыграли отрывок из «Укрощения строптивой». Глория восхищенно захопала и, показывая на меня, громко сказала: «Бьютифул герл!» Я быстро переделалась и побежала сниматься в студию, где в длинном черном парике играла арабку. Начинается съемка, вдруг вижу

— входит Свенсон в сопровождении свиты и пристально смотрит на меня: «Бьютифул герл!», потом, подумав, после паузы спрашивает: «Катарина?» Она была очень восхищена тем, что ученицы Герасимова так много работают.

Вскоре к нам на репетиции «Укрощения» стал захаживать друг Никоненко Никита Михалков. Он был уже знамени-

Пили сухое вино, Никита рассказывал о своей любви к Насте Вертинской, с которой только что развелся, и вдруг произнес: «Только ты можешь помочь мне забыть ее». Очень скоро выпитое вино дало о себе знать, на нас напало настоящее сумасшествие: мы поставили Первый концерт Чайковского и стали, громко крича, носить его друг за другом по ком-

Никита рассказывал о своей любви к Насте Вертинской, с которой только что развелся, и вдруг произнес: «Только ты можешь помочь мне забыть ее»

тым после выхода фильма «Я шагаю по Москве». Как-то мы встретились на съемках курсового фильма у одного иранца. Выезжали на природу, на какую-то речку, играли влюбленность... Именно тогда он взял у меня домашний телефон. Никита долго звонил, наконец я собралась к нему на свидание. Мы погуляли по каким-то закоулкам, поели мороженого, потом оказались у него дома на Воровского.

натам, как идиоты, и кидаться подушками. Вдруг, проносясь в очередной раз мимо входной двери, услышали звук поворачивающегося ключа. Мы замерли от страха. Еще бы! Лица красные, музыка орет... «Ира, быстро приведи себя в порядок — это мама пришла». Никита затолкал меня в свою комнату и бросился включать музыку. Сразу же вслед за мамой пришел Андрон с невестой, французен-

кой Вивен. Меня представили семье, все сели пить чай на кухне. Наталья Петровна о чем-то беседовала с девушкой Андрона на французском. Никита почувствовал неловкость: «Мама, Ира не говорит по-французски. Это неудобно. Мы лучше пойдем». И потащил меня к выходу.

— Приятно, наверное, принимать ухаживания Михалкова?

— Вы знаете, в то время меня окружало очень много поклонников. Боря Токарев с курса Вики Федоровой как-то мне признался: «Знаешь, Ирка, наши ребята тайком бегали на переменках в мастерские смотреть на тебя. Почти все парни с курса были в тебя влюблены». А педагоги-мужчины разговаривали со мной, почему-то всегда уставившись в грудь, которую мне никак не удавалось скрыть даже под просторным свитером. Так что к моменту знакомства с Никитой я мужским вниманием была избалована.

Как-то он пригласил меня в Дом литераторов. За столом в ресторане собрались многие известные деятели литературы, кино, политики. Вдруг Никита встал с рюмкой в руке и сказал: «Я хочу предложить тост за свою невесту». Я обалдела от неожиданности: я невеста? А почему же я до сих пор об этом ничего не знаю?! Меня это сильно задело. Так и не объяснившись, перестали встречаться. Казалось бы, все отлично, и вдруг я беру ножницы и отрезаю, не оставляя даже спасительной ниточки.

В моей жизни такое происходило часто. Однажды Сенья Галкин пригласил меня сниматься в курсовую картину в Калининград. На съемках моим партнером был Володя Досталь, который в то время работал вторым режиссером. Мы так влюбились друг в друга, что немедленно решили пожениться и в ближайшем же магазине купили кожаную красную корочку для будущего свидетельства о браке. Меня очень сблизило с ним и то, что мама Володи — иранка. Естественно, как принято в восточных сказках, мы поклялись в вечной любви! Володя отправился в Германию на съемки, а я вернулась в Москву. Через какое-то время он приехал с заморскими подарками, но, видимо, разлука сделала свое черное дело, и я раздумала в восемнадцать лет выходить замуж. Через несколько лет, когда я ждала ребенка, мы случайно столкнулись с

С мужем мы расстались, когда он мне с гордостью продемонстрировал множество снимков с голливудской кинозвездой Натали Вуд

ним на «Мосфильме». Володя заскочил на ходу в тесный лифт, где я стояла, встретился со мной глазами, а потом, опустив взгляд на мой большой живот, растерялся и тут же вышел.

Досталь и я так влюбились друг в друга, что немедленно решили пожениться и в ближайшем же магазине купили красную корочку для свидетельства о браке

— В вашей профессии ведь так часто бывают служебные романы...

— Если нет симпатии в жизни, сыграть любовь перед камерой практически невозможно. В «Горячем снеге» я должна была сыграть жену Николая Еременко,

но отказалась: никак не могла на него посмотреть как на мужчину. Ну не нравился он мне!

У меня была очень романтическая история знакомства с Валентином Гафтом.

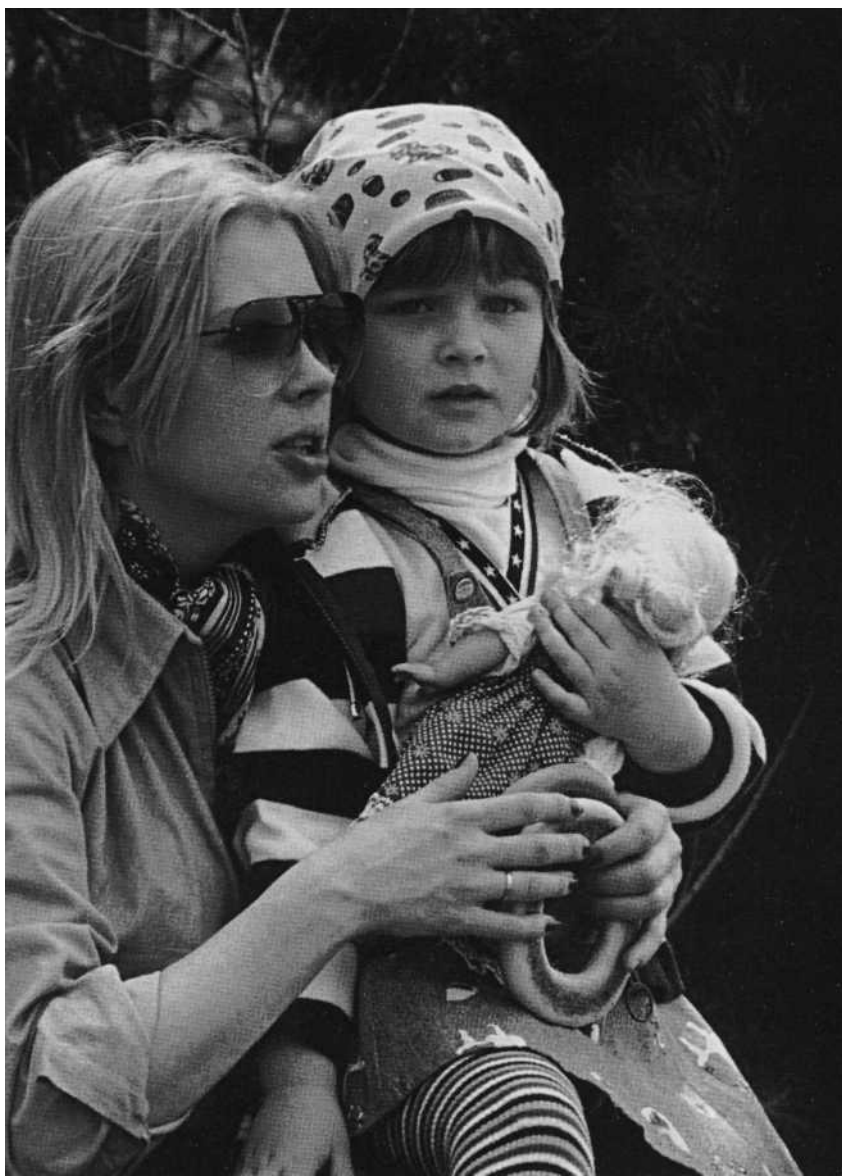
Мы вместе пробовались на картину в Прибалтике. Улетали в Москву разными рейсами. На прощание он загадочно бросил: «Встретимся!» В московском аэропорту я вдруг увидела его высокую фигуру у стойки регистрации — он при-

летел раньше. Я помахала ему рукой, Гафт, увидев меня, засветился улыбкой. Потом на глазах у всех поднял меня на руки, перенес через турникет и понес через весь зал аэропорта к выходу. Его уже узнавали и долго смотрели вслед. Мы доехали до моего дома на Песчаной, целый час ходили вокруг и говорили, говорили... Он был совершенно помешан на театре. Потом встречались с ним несколько раз, но в его компании я чувствовала себя глупенькой девчонкой, не способной поддержать серьезную дискуссию о театральных проблемах. Ему, наверное, нужна была такая же одержимая театром женщина...

А на первой своей картине «Бабье царство» я чуть не пострадала из-за «особенностей» актерской профессии. Актриса Светлана Жгун приревновала меня к собственному мужу, режиссеру фильма Алексею Салтыкову. Как-то иду на общую кухню при гостинице, а за дверью,

На съемках фильма «Возвращение резидента» у нас с Георгием Жженовым и Леонидом Броневым была одна костюмерная. Приходилось переодеваться буквально на ходу...

Моя дочка Вика всегда напоминала мне собственное детство: она, как и я когда-то, обожала играть в куклы и сочиняла стихи

провизируя, работать с текстом, сажал за операторскую камеру и терпеливо объяснял азы кино. Я наблюдала за его бабулей, в которую он преобразался на съемках, и удивлялась, как он это делает. Быков засовывал за губу и щеки куски ваты и чудесным образом превращался в шамкающую горбатую старушеницу. Ролан Антонович любил, придя на площадку, все заранее намеченное отменить и поменять. Алексей Баталов, снимавшийся в фильме, все возмущался: «Ролик, ты что, с ума сошел?!» А Быков только отмахивался: «Алешенька, прекрати, не терзай мои нервы. У меня сейчас сердце от тебя заболит».

Оттремела премьера, прошло время, и мы встретились с Быковым на съемках «Большой перемены», но уже как партнеры. Возвращаемся как-то из Ярославля в Москву в одном купе. Вдруг замечаю по его взглядам, что уже явно выросла из «первоклашек». И вот под коньячок он начинает изливать мне душу: «Ира, если бы ты знала, как я любил свою Князеву! Она ж такая маленькая, такая хорошенькая!», а потом добавляет: «Знаешь, давай так! Приедем в Москву и сразу же отправимся к моей маме. Я тебя ей покажу. Если мама скажет «Да», я на тебе тут же женюсь!» Я так испугалась, что мама Ролана Антоновича Быкова почему-то должна сказать «Да» после того, как мы завалимся к ней с поезда поздно вечером, что все время пыталась перевести разговор на другую тему, тем более к тому времени у меня уже был муж...

На третьем курсе я неожиданно для всех вышла замуж за журналиста Юру Сушкова-Шварца и родила Вику, которая сейчас живет в Америке с сыном Юрочкой. Мы с мужем были совершенно взрывной парой: бешено друг друга ревновали и без конца устраивали сцены. Юра, видя, что вокруг меня много поклонников, старался тоже не отставать. Мы расстались, когда он с гордостью продемонстрировал мне множество снимков с голливудской кинозвездой Натали Вуд, на которых они нежно смотрят друг другу в глаза. Этого я перенести не могла.

— **Но вам на съемках тоже посчастливилось встретиться с огромным количеством знаменитостей...**

— Партнеры мне попадались действи-

Ролан начал изливать мне душу: «Знаешь, давай так! Приедем в Москву и сразу же отправимся к моей маме. Если мама скажет «Да!», я на тебе тут же женюсь!»

притаившись, с тяжелой чугунной сковородкой ждет ревнивица! Меня спасло только то, что кто-то вовремя выдернул из ее рук сковородку.

Но все это производственные трудности, без которых невозможно делать кино. На третьем курсе на меня вдруг посыпались предложения сниматься. Встреча с фильмом «Внимание, черепаха!» и за-

мечательным режиссером Роланом Быковым оказалась счастливой. На роль пробовалась Настя Вертинская, но утвердили меня. Зато в фильме «Влюбленные» ее пробы оказались лучше. Я играла кокетливую учительницу первоклашек, и Быков относился ко мне, как и к маленьким актерам, очень трогательно. Учил, как не выпасть из кадра, как, им-

**Красный от возмущения и обиды
Стржельчик демонстративно
отвернулся к воде, пробурчав:
«Это надо, не узнать Наполеона!
Какое невежество...»**

тально потрясающие. Часто вспоминаю съемки «Возвращения резидента» с Жженовым и Броневым. У нас на троих была одна костюмерная. Приходилось переодеваться буквально на ходу, в перерывах между дублями. Мы между собой честно договаривались: «Три, четыре, отворачиваемся!» Но в гримерке стояло огромное зеркало, в которое они, оказываясь, за мной подглядывали. Когда я заметила это, мы долго смеялись. Георгий Жженов однажды рассказал мне чудовищную историю, произошедшую с ним в лагере. Как-то зимой конвоир вел его по двору. Когда они шли мимо женского барака, внезапно открылась дверь и в волосы и одежду Жженова вцепилось множество женских рук, пытавшихся затаскать паренька внутрь. «Не знаю, что бы там со мной сделали эти ведьмы, если бы не спас конвоир, который связкой тяжелых ключей стал бить их по пальцам», — вспоминал артист.

С дядей Гошей Вициным мы встретились на фильме «Дорогой мальчик». Он очень трепетно опекал меня на съемках в Клайпеде. Заметив как-то, что я не езжу со всеми в столовую, он после своих обязательных утренних занятий йогой пригласил меня на импровизированный пикник. Расстелил на лужайке скатерть, приготовил бутерброды. Мы сидели на зеленой траве, пили чай из термоса. Над нами порхали две бабочки и все время садились то на мой сарафан, то на плечо. «Ира, в вас явно что-то есть, бабочкам во вкусе не откажешь», — заметил Вицин. С этих пор обеды на лужайке стали традицией. В то время в Клайпеде было очень трудно с продуктами. Мы троим, я и два моих «старца» — Вицин и Стржельчик, шли в магазин, чтобы добыть на ужин колбаски. Суровые литовские продавщицы нас со Стржельчиком игнорировали, зато Вицина обслуживали с удовольствием. Владислава Игнатевича заметно задевало, что его не узнают. Как-то мы переправлялись на пароме на съемочную площадку. Вицина окружила целая толпа, выстроившись в очередь за автографом. Красный от возмущения и обиды Стржельчик демонстративно отвернулся к воде, пробурчав: «Это надо, не узнать Наполеона! Какое невежество...»

В этом же фильме я гоняю на итальянском спортивном мотоцикле «Чезетта». Меня долго тренировали и наконец вместе с огромным мотоциклом переправи-

**Вика сейчас живет с сыном Юрочкой
в Лос-Анджелесе**

Папа называл меня Голяндам, что на фарси означает
Фея цветов. Ведь недаром меня всю жизнь преследует
запах детства — нежный аромат шиповника из нашего сада

ли в Баку, в горы Гобустан. Там я должна была лихо промчаться по дороге, выходящей над пропастью. Режиссер Стефанович, муж Аппы Пугачевой, вместе с оператором ехали в машине рядом и крупным планом снимали мое лицо. Доезжаем до отметки, вижу — режиссер мне машет: «Дальше, дальше!» И тут мотоцикл заносит на мелком гравии, и я буквально в сантиметре от пропасти врезаюсь в здоровенный валун. Колени ободраны, хлещет кровь, меня бьет дрожь. Первым ко мне подбежал дядя Гоша Вицин: «Врача, немедленно врача!» Меня еле-еле стащили с мотоцикла, так сильно от страха я вцепилась в руль.

Я вообще обожала исполнять каскадерские трюки сама. Если требовалось по сценарию, скакала на лошади, мчалась на мотоцикле, запрыгивала на ходу на капот машины... В картине Рубинчика «Красный агитатор Трофим Глушков», отказавшись от дублера и дав расписку директору фильма, что снимаю с него ответственность (после гибели Урбанского все стали бояться актерских трюков), я на ходу расцепила два мчащихся вагона поезда. Оператор снимал эту сцену снизу, лежа на досках. Подстраховывал меня тонкий шнурок, привязанный к талии, пока я, стоя в сапогах на высоких каблуках, снимала ржавую петлю, соединяющую вагоны. После съемок мои ладони превратились в кровавые лохмотья.

— Пользуясь таким успехом у знаменитых мужчин, вы ведь могли сделать в кино отличную карьеру...

— Я не народная и не заслуженная, но сплю по ночам спокойно — совесть моя чиста. Никогда не делала карьеру через постель и не старалась выгодно выйти замуж. Я давно не снимаюсь, но меня до сих пор узнают на улице, просят автограф. А в свое время поклонники просто заваливали письмами. Один обещал вешать мне дом. Другой, заключенный, на шести страницах признавался, как убил родственницу, и просил помочь раскаявшемуся. Порой приходили и письма с угрозами: «Если не встретишься со мной, убью!» Но надо сказать, симпатию ко мне питали не только мужчины, но и женщины. Однажды на съемках в Минске одна настырно преследовавшая меня поклонница опустила глаза при всех на пол и поцеловала мое колено. А в Москве надо мной шефствовала бригада таксисток. Они звонили, и в любое нужное время к моему дому подкатывала машина с женщиной за рулем. Женская бригада даже предлагала защиту: «Ты только скажи, если кто обидит...» Я дол-

го не знала, как избавиться от их покровительства.

— У вас были какие-нибудь средства защиты от назойливых поклонников?

— В Африке в одном отеле я прочитала очень мудрое правило, которому свято следовала: «Прежде чем войти в номер, откройте дверь и убедитесь, нет ли у вас в гостях бабуина». До сих пор удивляюсь, почему в наших гостиницах нет подобных объявлений! Я всегда советовала актрисам: «Стройте баррикады!», потому что у себя в номере регулярно заставляла непрошенных «бабуинов». Как-то я приехала на съемки в Ереван, меня поселили в шикарной гостинице. Вечером, приняв душ и прикрыв балконную дверь, с наслаждением растягиваюсь в постели. Вдруг чувствую: сквозь стекло на меня кто-то смотрит. Натягиваю одеяло до подбородка и застываю, парализованная страхом, глядя в бледное лицо незнакомца. Дверь осторожно открывается, в комнату шагает высокий парень с бутыл-

«Что вы здесь делаете?» — спрашиваю ошарашенно. «А я вас тут жду! — отвечает актер, похлопывая по кровати. — Нам работать вместе, вот и познакомимся»

кой шампанского. «Тихо, не пугайтесь, я сверху спустился. Хочу с вами выпить за знакомство», — садится и достает из кармана два грецких ореха, которые легко раскалывает одной ручищей. Взяв себя в руки и сделав вид, что не против, миролюбиво предлагают: «Можно я схожу в ванную, накину халат, а то как-то неудобно». Сама же распахиваю входную дверь и пулей несусь к дежурной: «Помогите, ко мне ворвались в номер! И угрожают!»

Похожий случай произошел в Судак на съемках картины «Крепость». После долгой и утомительной дороги наконец добралась я до гостиницы. Неприветливый режиссер назначил на утро кинопробу. Захожу к себе в номер и застываю на пороге — на кровати лежит очень известный актер, партнер по фильму. «Я ошиблась номером? Что вы здесь делаете?» — спрашиваю ошарашенно. «А я вас тут жду! — невозмутимо отвечает «гость», похлопывая по кровати. — Нам работать вместе, вот и познакомимся». Мне пришлось долго его уговаривать уйти. Нако-

нец выпроводив и вздохнув с облегчением, иду в душ. Через несколько минут выхожу и вижу: в форточку лезет режиссер. «Я был с вами суров сегодня, извините, завтра пробы, давайте поговорим о роли». Самое смешное, мы действительно поговорили о фильме...

Был у меня очень комический случай, когда мы с партнером не только не симпатизировали друг другу, но даже питали взаимную ненависть. В фильме «Идушие за горизонт» я снималась вместе с украинским актером Иваном Гаврилюком, красивым, надменным и крайне самодовольным, как павлин. Он сразу же почему-то поинтересовался, люблю ли я украинскую поэзию? Я сказала, что люблю персидские стихи, а украинские не знаю. Ответ его очень задел, и он стал на репетициях буквально на ухо декламировать мне стихи на украинском языке, доводя до белого каления. Я даже отказалась репетировать, настолько он мне был неприятен. Наконец съемки закон-

чились, я с облегчением собрала вещи перед завтрашним рейсом, как вдруг раздался стук в дверь. Открываю — на пороге стоит Иван с фляжкой коньяка и пятью тюльпанами: «Я пришел мириться». Мы сели, подняли рюмки, вдруг я спохватилась: «Ой, а у меня-то и закусить нечем!» Он опрокидывает рюмку, крикает: «Ничего страшного» — и закусьевает... бутонем тюльпана. Потом он допил коньяк и съел все тюльпаны, в вазе остались только стебли. Но расстались мы все-таки друзьями.

— Вас, как вижу, можно подкупить только цветами?

— Я обожаю цветы. Ведь недаром папа называл меня Голяндам, что на фарси означает Фея цветов. Когда у меня в жизни начинается черная полоса, из дальнего уголка памяти я извлекаю дорогие воспоминания детства: как утром меня будил нежный аромат шиповника — в маленькую вазочку на тумбочке у моей кровати папа всегда ставил цветущую веточку...

Беседовала Ирина Зайчик